

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
АВГУСТЪ, 1900

ТУРКМЕНСКИЙ СУДЬ.

I.

Въ залѣ суда.

Съѣздъ и его «аудиторія». — Туркменскій типъ. — Портреты двухъ судей-туркменъ.—Казій Куль-Мурадъ.

ОЛЫШОЙ залѣ комиссiи по судной части Закаспiйской области ¹⁾ биткомъ набитъ туркменами въ разнообразныхъ ваточныхъ халатахъ и огромныхъ бараньихъ шапкахъ-папахъ на головахъ. Жара стоитъ нестерпимая... Теченiя въ воздухѣ, несмотря на открытыя окна и двери, нѣтъ почти никакого, почему, кромѣ духоты, сильно даетъ себя чувствовать особая, такъ сказать, густота воздуха, переполненнаго горячимъ дыханiемъ и не совсѣмъ благовоными испаренiями 150—200 сыновъ закаспiйскихъ пустынь, не только незнакомыхъ съ мыломъ, но и простое мытье тѣла признающихъ только два раза въ жизни—при рожденiи и послѣ смерти...

Надъ всей этой толпой недавно еще разбойническаго и не признававшего никакой власти народа стоитъ гуль отъ голосовъ и движенiя въ заднихъ рядахъ. Но этотъ гуль—явленiе обычное въ народныхъ судахъ: оно только лишь свидѣтельствуетъ объ общемъ настроенiи толпы, объ ея напряженномъ вниманiи и желанiи не

¹⁾ До введенiя судебной реформы въ крайъ эта комиссiя вѣдала судными дѣлами области на правахъ съѣзда мировыхъ судей и отчасти окружнаго суда (для дѣлъ гражданскихъ).

пропустить ни одного слова, ни одного движенія изъ того, что говорится и дѣлается въ залѣ.

Вы только взгляните на всѣ эти донельзя загорѣвшія темно-коричневые фizioноміи. Всмотритесь, какъ мѣняется ихъ выраженіе при каждомъ новомъ оборотѣ разбираемаго дѣла, какъ сверкаютъ ихъ черные глаза, и съ какимъ жгучимъ интересомъ и вниманіемъ устремлены они впередъ, къ длинному столу, покрытому краснымъ сукномъ, за которымъ вытянулся рядъ судей—рѣшителей судебъ всего этого собравшагося въ залѣ народа. Такое страстное непосредственное любопытство способны проявлять только дикіе сыны пустыни, не успѣвшіе еще забыть о своей прежней безграничной волѣ, когда ничто не могло рѣшаться безъ общаго согласія и одобренія...

Но не менѣе тяжущихся и свидѣтелей интересны сами судьи, созданные въ чрезвычайный сѣздъ со всѣхъ концовъ области и выбранные изъ самыхъ вліятельныхъ и уважаемыхъ туземцевъ края.

Имѣя посрединѣ себя двухъ представителей русской власти ¹⁾, они съ важностью возсѣдаютъ за длиннымъ столомъ, поглаживая рукой свои длинные бороды и равнодушно поглядывая на волнующуюся толпу.

Ихъ всего девять человекъ—семеро туркменъ и двое киргизовъ. И тѣ, и другіе очень характерны и типичны и могутъ служить яркими представителями своихъ народностей.

Рѣзкія, но правильныя черты лица у туркменъ, прямой или немного изогнутый носъ, горизонтальное расположеніе глазъ—вся наружность вообще, доказываютъ принадлежность ихъ къ благородному кавказскому типу. А крупное сильное тѣлосложеніе и сверкающіе огнемъ глаза напоминаютъ вамъ, что это—гордые сыны пустыни, склонившіеся только передъ безусловно высшей силой, и то лишь тогда, когда всѣ средства и способы для сопротивленія были уже сломлены. Но дайте имъ и теперь полную свободу, и они тотчасъ же изъ-за судейскаго стола вскочатъ на своихъ лихихъ коней и, обнаживъ клинчи ²⁾, помчатся въ Персію аламаномъ ³⁾, грабить и уводить въ плѣнъ презрѣнныхъ кизиль-баней ⁴⁾...

¹⁾ Предсѣдателя и его помощника. Первый изъ нихъ заступаетъ мѣсто начальника области, а второй—знакомый съ мѣстнымъ языкомъ и обычаями (ада-тами), помогаетъ ему при веденіи дѣлъ. Оба они, по сложившемуся правилу, не принимаютъ участія въ постановленіи рѣшеній, хотя, конечно, имѣютъ большое вліяніе на исходъ дѣлъ.

²⁾ Кривыя сабли.

³⁾ Разбойническіе набѣги, широко практиковавшіеся до завоеванія Туркменіи Россіей.

⁴⁾ Такъ туркмены называютъ персіянъ за то, что они красятъ себѣ волосы въ красный цвѣтъ.

Всѣ они одѣты такъ же, какъ и остальная публика, т. е. въ теплые ваточные халаты, а на головахъ имѣютъ огромныя бараньи папахи. Трое, кромѣ того, надѣли, сверхъ ваточныхъ, еще парадныя парчевыя халаты, пожалованныя имъ русскою властью, прицѣпивъ на плечахъ офицерскіе погоны сообразно даннымъ имъ чинамъ ¹⁾. У одного висѣла на шеѣ большая серебряная медаль «за усердіе», и у всѣхъ семерыхъ были прицѣплены у пояса кривые и острые клыччи.

Среди нихъ есть замѣчательныя личности, которыхъ не мѣшаетъ представить читателю каждаго особо.

Вотъ, напримѣръ, помощникъ дурунскаго пристава ²⁾, подпоручикъ милиціи Куль-батырь. Это древній уже старикъ съ сѣдою бородой. Во времена независимой Туркменіи (туркманчалыкъ воктында) онъ былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ и храбрѣйшихъ аламанчиковъ, за что и получилъ званіе батыря, т. е. удалца. Немало срубилъ онъ тогда персидскихъ головъ и немало десятковъ плѣнниковъ и плѣнницъ отвелъ на веревкѣ за своей лошадыю въ Бухару и Хиву на продажу. А когда на вольнолюбивую Туркменію надвинулась гроза съ сѣвера, онъ былъ избранъ однимъ изъ предводителей туркменъ и своимъ мужествомъ и энергіей подавалъ примѣръ молодымъ соратникамъ... Но, несмотря на чудеса храбрости, Геокъ-Тепе палъ таки подъ ударами «урусомъ», и Куль-батырь, съ приличествующимъ истинному мусульманину фатализмомъ, склонился передъ высшей силой и культурой и сталъ вѣрнымъ слугою новаго режима.

А вотъ рядомъ съ нимъ сидитъ другой защитникъ Геокъ-Тепе. Зовутъ его Эвезъ-Кули-сардаръ, и читатели «Историческаго Вѣстника» знакомы уже съ нимъ по живому разсказу г. Дандевилля—«Курбанъ-байрамъ» ³⁾.

Это—мужчина огромнаго роста и, какъ и Куль-батырь, древній уже старикъ. Но бороду свою онъ красить, такъ какъ сравнительно недавно женился на молоденькой персіянкѣ, которая категорически заявила, что не желаетъ имѣть стараго и сѣдого мужа. До завоеванія области онъ, какъ грознѣйшій сардаръ (предводитель), наводилъ страхъ и трепетъ не только на чарджуйскаго бека и сопредѣльныхъ хановъ Персіи, но былъ пугаломъ даже для своихъ сородичей, потому что не стѣнялся при случаѣ грабить и ихъ. Послѣ же паденія Геокъ-Тепе онъ преклонился передъ грознымъ «урусомъ» и самъ сдалъ свой родной аулъ Безменъ, въ кото-

¹⁾ Имъ жалуютъ чины по милиціи, выдѣляя такимъ образомъ или наиболѣе вліятельныхъ по своему рожденію или положенію, или находящихся на нашей службѣ туркменъ въ качествѣ помощниковъ приставовъ или аульныхъ старшинъ.

²⁾ Асхабадскаго уѣзда.

³⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1899 г., № 9.

ромъ былъ старшиною. Теперь, какъ и Куль-батырь, онъ состоитъ помощникомъ атекскаго пристава ¹⁾, имѣетъ званіе юнкера милиціи и лелѣетъ мечту объ офицерскихъ погонахъ. Несмотря на старость, имѣетъ трехъ женъ и на вопросъ: «довольно ли ему трехъ женъ?»— съ улыбкой отвѣчаетъ: «теперь довольно» ²⁾...

Совсѣмъ въ другомъ духѣ двое остальныхъ судей-киргизовъ, пріѣхавшихъ изъ далекаго Мангишлака ³⁾.

Въ нихъ нѣтъ и тѣни сходства съ красивыми и гордыми туркменами, сохранившими вообще почти чистый кавказскій типъ.

Это—двѣ худыя фигуры съ скуластыми монгольскими фізіономіями, съ бѣгающими узко-прорѣзанными рысьими глазками и съ совсѣмъ жидкою растительностью на лицѣ. Одѣтыя въ тѣ же ваточные халаты, съ оригинальными малахаями на головахъ, они всею фігурою, всѣмъ видомъ отличаются отъ своихъ сосѣдей туркменъ, а по внутреннимъ качествамъ такъ же мало походятъ на нихъ, какъ трусливый, но хищный шакалъ не походитъ на дикаго и смѣлаго барса...

Таковъ былъ ареопагъ, собранный со всѣхъ концовъ области для сужденія во второй инстанціи своихъ соплеменниковъ. Для полноты картины нужно, впрочемъ, еще указать казія Куль-Мурада—маленькаго, сѣденькаго старичка-туркмена, скромно усѣвшагося въ самомъ концѣ судейскаго ряда. По своему званію казія (духовнаго судьи) онъ принимаетъ участіе только въ тѣхъ дѣлахъ, которыя приходится рѣшать не по адатамъ (обычаямъ), а по писанному мусульманскому закону (шаріату); кромѣ того, на немъ лежитъ обязанность приводить къ присягѣ, когда въ томъ окажется надобность по ходу дѣла. Нужно, однако, замѣтить, что въ области стремятся обращаться къ шаріату возможно рѣже, только лишь въ дѣлахъ семейственныхъ, наслѣдственныхъ и брачныхъ, а всѣ остальные—рѣшать по адату (обычаю).

И это, конечно, имѣетъ серіозный *raison d'être*.

Находящійся теперь передъ читателемъ сѣздъ собрался на 5—6 дней, и за этотъ періодъ времени ему предстоитъ разсмотрѣть около 60 дѣлъ, перенесенныхъ сюда по жалобамъ тяжущихся на рѣшенія различныхъ низшихъ народныхъ судовъ об-

¹⁾ Тедженскаго уѣзда. Уѣзды области раздѣляются на приставства и управляются приставами—русскими оберъ-офицерами; уѣзды же—штабъ-офицерами.

²⁾ Въ pendant къ этому рассказываютъ, что одинъ правовѣрный на вопросъ, женатъ ли онъ, отвѣтилъ: «да, немножко». Какъ такъ немножко? «Да всего одна жена». Мусульманамъ разрѣшается имѣть одновременно 4 законныхъ женъ и безъ ограниченія наложницъ, почему и встрѣчаются у богачей громадныя гаремы.

³⁾ Закаспійская область дѣлится на пять уѣздовъ, изъ которыхъ три (Асхабадскій, Тедженскій и Мервскій) населены почти исключительно туркменами, а остальные два (Красноводскій и Мангишлакскій) отчасти туркменами, отчасти киргизами; въ послѣднемъ уѣздѣ туркменъ сравнительно мало.

ласти. Среди этихъ дѣлъ—около полутора десятка исковъ о водѣ, около десятка тяжбъ изъ-за калыма, одно дѣло о признаніи сыномъ, несмотря на рожденіе отъ рабыни, одно о возвратѣ жены, отнятой отъ мужа, два иска о хунѣ за убійство (въ одномъ убитая дочь оцѣнена въ 500 барановъ и 20 кобылъ). Остальныя же дѣла уже чисто уголовныя—кражи, убійства, изнасилованія и т. д.

II.

Туркменскіе суды.

Судъ въ независимой Туркменіи.—Воздѣйствіе русской администраціи.—Нынѣшнее судоустройство.

Но что же такое народные суды Закаспійской области, и какія дѣла рѣшаютъ они?

Наша могучая родина издавна была осуждена на завоеваніе и подчиненіе мало культурныхъ странъ, полудикое населеніе которыхъ жило цѣлые вѣка своими обычаями и управлялось своими законами. Но, устанавливая свою власть, Россія никогда, какъ извѣстно, не предпринимала коренной ломки въ воззрѣніяхъ и нравахъ покоренныхъ туземцевъ и предоставляла имъ жить попрежнему, по привычнымъ и издавна сложившимся порядкамъ. И только тамъ, гдѣ эти обычаи и порядки рѣзко противорѣчили общему государственному строю и нарушали мирное теченіе общественной жизни,—только тамъ наше правительство рѣшалось прибѣгать къ строгимъ запретительнымъ и даже карательнымъ мѣрамъ, предоставляя остальную работу силѣ времени и обстоятельствъ.

Такой политики держались русскіе на Кавказѣ, въ Сибири и Туркестанѣ; ею же руководились они и при завоеваніи Закаспійской области...

Такимъ образомъ и туркмены сохранили у себя многія черты и особенности своего прежняго быта и въ частности сохранили право разбираться въ спорахъ между собой своими народными судами.

«Во времена независимой Туркменіи,—говоритъ г. Ломакинъ въ своемъ интересномъ трудѣ: «Обычное право туркменъ»¹⁾—ни у одного изъ туркменскихъ племенъ не существовало правильно организованнаго народнаго суда, съ постояннымъ персоналомъ судей. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда между туркменскими племенами или частными лицами возникали какіе либо иски и недоразумѣнія, они разбирались или лицами, пользовавшимися довѣріемъ народа, которыя каждый разъ избирались тяжущимися сторонами въ неопредѣленномъ числѣ, или казіями...

¹⁾ Асхабадъ, 1897 г.

«Такія собранія почетныхъ лицъ назывались меджлисами или маслахатами (совѣтами).

«Обыкновенно маслахаты собирались на открытыхъ мѣстахъ, вблизи мечети или кибитки какого либо почетнаго лица въ аулѣ, при чемъ судъ происходилъ исключительно устно... При разборѣ дѣлъ присутствовали какъ стороны и ихъ свидѣтели, такъ и всѣ желающіе»...

Засимъ такъ же, какъ и въ нашей древней Руси, всѣ дѣла имѣли чисто частный характеръ и разбирались маслахатомъ лишь тогда, когда имѣлась въ виду жалоба заинтересованной стороны. Безъ такой жалобы не могло возникнуть дѣло ни объ убійствѣ, ни о разбоѣ, ни объ изнасилованіи... Наказанія же сводились собственно къ уплатѣ хуна (выкупа).

Естественно, что при такихъ условіяхъ и при отсутствіи у туркменъ какой бы то ни было правительственной власти обиженный могъ найти защиту только у своихъ родственниковъ; и чѣмъ больше было ихъ, чѣмъ богаче и сильнѣе были они, тѣмъ болѣе шансовъ имѣлъ онъ получить удовлетвореніе.

«Если же совершившій преступленіе бѣжалъ,—говоритъ г. Ломакинъ ¹⁾,—и вслѣдствіе этого у обиженнаго ускользала возможность мстить ему лично, то обыкновенно обиженный,—какъ буквально выражаются туркмены,—приставалъ, приклеивался, прилипалъ къ родственникамъ отвѣтчика, т. е. настоятельно требовалъ отъ нихъ удовлетворенія. Иногда вслѣдствіе этого между родственниками заинтересованныхъ сторонъ начиналась распря, нерѣдко доходившая до кровополитія. Если же при этомъ и самъ виновный попадался въ руки потерпѣвшему или его родственникамъ, то уже тутъ не останавливались ни передъ чѣмъ: изобрѣтались удивительно возмутительныя пытки, пока виновный не произносилъ «тоубѣ» или «тоубѣ этдимъ», т. е. покался, раскаялся, и за поручительствомъ своихъ родственниковъ не обязывался удовлетворить потерпѣвшаго. Вслѣдъ за этимъ между родственниками сторонъ начинались переговоры о способахъ и времени удовлетворенія потерпѣвшаго».

Если такимъ путемъ не удавалось прійти къ соглашенію, то дѣло переносилось въ маслахатъ, который выслушивалъ истца и отвѣтчика и затѣмъ употреблялъ всѣ усилія и способы для склоненія сторонъ къ миру.

Разъ затѣмъ миръ состоялся, то дѣло на этомъ и заканчивалось; если же нѣтъ, то дѣло переходило на рѣшеніе къ казію—духовному судѣ.

Этотъ послѣдній также прежде всего предлагалъ сторонамъ миръ, напоминая имъ, что самъ пророкъ Магометъ проповѣдывалъ о ве-

¹⁾ Ibid., стр. 53.

ликомъ значеніи сюльха (мирового соглашения), которое цѣнится Богомъ выше поста и молитвы... Буде же и тутъ соглашения не получалось, то казіи выслушивалъ свидѣтелей или приводилъ къ присягѣ ту или другую сторону. Затѣмъ, на основаніи данныхъ дѣла, постановлялось рѣшеніе.

«Хотя туркмены и увѣряютъ, что тяжущіеся безусловно подчинялись рѣшеніямъ казіевъ, но это не вполнѣ правильно. Нерѣдко бывало, что если отвѣтчику не нравилось рѣшеніе казія, то оно и не исполнялось, въ особенности тогда, когда родственники отвѣтчика были богаче и сильнѣе родственниковъ истца.

«Положительно можно сказать, что туркменскій судъ до занятія края русскими существовалъ только для тѣхъ, кто могъ опираться на авторитетъ и силу своихъ родственниковъ; человѣку же безродному не у кого было искать правосудія... Въ тотъ періодъ безначалія туркменскимъ обществомъ руководило не чувство справедливости, а только одна эгоистическая цѣль, удовлетворивъ обиженнаго или родственниковъ, избѣгнуть междоусобицы, при которой могли бы пострадать ни въ чемъ неповинные родственники какъ одной, такъ и другой стороны» ¹⁾).

По покореніи края,—какъ сказано уже и ранѣе,—вся система судопроизводства оставлена была въ принципѣ не тронутою. Но, конечно, администрація края не могла оставаться равнодушною къ нѣкоторымъ особенностямъ этой системы, стоявшимъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ давно и безповоротно установившимися у насъ принципами.

Такъ, прежде всего пришлось проводить въ народное сознаніе нашъ взглядъ на преступленіе, какъ на явленіе, вредное не только для потерпѣвшаго, но и для общества. При прямомъ участіи чиновъ администраціи въ отправленіи правосудія это постепенно удалось ввести, и теперь за наиболѣе важныя дѣянія (убійства, грабежи, изнасилованія и т. д.) народные суды назначаютъ помимо хуна еще и извѣстное наказаніе, независимо отъ того, проситъ ли объ этомъ отвѣтчикъ или нѣтъ.

Затѣмъ установлена болѣе или менѣе опредѣленно лѣстница наказаній—отъ денежныхъ взысканій до ссылки въ отдаленные уѣзды области (преимущественно Мангишлакъ), хотя выборъ наказанія зависитъ вполнѣ отъ усмотрѣнія суда.

Писанныхъ сборниковъ какъ матеріальнаго, такъ и формальнаго права, конечно, у туркменъ не существуетъ и до сихъ поръ. Да едва ли и разумно было бы закрѣплять всѣ ихъ обычаи (адаты) на бумагѣ и давать имъ силу закона положительнаго, такъ какъ, во-первыхъ, въ разныхъ мѣстахъ области существуютъ и разные адаты, а, во-вторыхъ, рано или поздно эти обычаи должны уступить мѣсто

¹⁾ Ibid., стр. 58—59.

обще-имперскимъ законамъ, къ каковому переходу населеніе по-немногу и незамѣтно пріучается уже и теперь.

Изъ дальнѣйшаго моего разсказа читатель пойметъ систему и порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ въ народныхъ судахъ Закаспійской области, почему теперь я ограничусь только самыми необходимыми замѣчаніями.

Туркменскіе суды вѣдаютъ всѣ дѣла, какъ уголовныя, такъ и гражданскія, возникающія среди туземцевъ области. Если же хоть одна изъ сторонъ принадлежитъ къ пришлому элементу, то дѣло подсудно уже общимъ судамъ ¹⁾.

Затѣмъ суды эти имѣютъ двѣ инстанціи: низшую—суды ауль-ные, уѣздные или приставскіе, и высшую—чрезвычайный съѣздъ народныхъ судей.

Аульные, уѣздные и приставскіе суды разбираютъ всѣ безъ исключенія дѣла, возникающія въ подвѣдомыхъ имъ районахъ. Въ составъ ихъ входятъ избранные самимъ населеніемъ судьи, въ числѣ 3—5 человекъ. Въ уѣздныхъ и приставскихъ судахъ предсѣдательствуютъ соотвѣтственные административные чины. Засимъ приговоры и рѣшенія по менѣе важнымъ дѣламъ и при необжалованіи ихъ начальнику области въ апелляціонномъ порядкѣ входятъ въ силу и приводятся въ исполненіе, а по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ (особенно по убійствамъ) представляются на утвержденіе начальника области.

Что касается чрезвычайнаго съѣзда народныхъ судей, то онъ былъ созданъ впервые въ 1894 году по инициативѣ бывшаго начальника области, а нынѣ военного министра, генерала А. Н. Куропаткина, столь много и плодотворно потрудившагося надъ всѣми отраслями жизни и управленія края.

Съ тѣхъ поръ собирается онъ по два раза въ годъ (въ іюнѣ и декабрѣ) и разрѣшаетъ тѣ изъ дѣлъ низшихъ судовъ, по которымъ апелляціонныя жалобы будутъ признаны заслуживающими уваженія. Разбираетъ онъ дѣла также по адатамъ, устно и публично. Рѣшенія его заносятся на бумагу и поступаютъ на утвержденіе начальника области. Засимъ никакого дальнѣйшаго обжалованія уже не полагается.

За короткій сравнительно срокъ своего существованія чрезвычайный съѣздъ сталъ судомъ въ высшей степени популярнымъ въ области, вслѣдствіе чрезвычайно внимательнаго и серьезнаго отношенія судей къ возложеннымъ на нихъ обязанностямъ.

Въ этотъ-то почтенный ареопагъ я и ввожу въ настоящее время читателя.

¹⁾ Въ 1899 году, какъ извѣстно, въ Закаспійской области введена судебная реформа по уставамъ императора Александра II.

III.

Женщина у туркменъ.

Безправное положеніе женщины у туркменъ. — Калымъ. — Основанія расцѣпки женщины.—Установленіе *rix fixe* на женщину.

— Теперь мы перейдемъ,—говоритъ потуркменски помощникъ предсѣдателя, обращаясь къ судьямъ:—къ слѣдующему дѣлу. Тутъ, видите ли, житель аула Геокъ-Тепе, Эвезъ Шиховъ, требуетъ отъ жителя аула Асхабадъ, Аппа Сеюкова, чтобы тотъ возвратилъ ему его жену Фатьму, тетку отвѣтчика. Этотъ же послѣдній соглашается возвратить, но требуетъ доплаты калыма въ размѣрѣ 50 тумановъ...

Но да простить мнѣ читатель, если я по необходимости отвлекусь опять въ сторону и скажу нѣсколько словъ о положеніи женщины у туркменъ и о томъ, что такое калымъ.

Положеніе женщины у туркменъ весьма тяжелое и совершенно безправное. За ней въ сущности не признается никакихъ человѣческихъ правъ; это не человѣкъ, а имущество, вещь, съ которою собственникъ можетъ обращаться, какъ ему заблагоразсудится. Это самка и рабочая сила, принадлежащая сначала отцу, брату, воспитателю, а потомъ—мужу. Только вдовы пользуются еще извѣстною самостоятельностью, но и то пока онѣ живутъ въ палаткѣ умершаго мужа, не выходя вновь замужъ и не возвращаясь къ своимъ родственникамъ. Разъ же вдова пожелаетъ вновь наложить на себя цѣпи Гименея, то она снова превращается въ рабу, и даже дѣти ея отъ перваго брака отбираются отъ нея и передаются ея родственникамъ.

Лучшимъ выраженіемъ этого безправнаго положенія туркменки служитъ обычай уплаты за невѣсту калыма—обычай, который составляетъ въ основаніи, конечно, не что иное, какъ актъ купли-продажи женщины-невѣсты.

Нужно замѣтить, что обычай калыма (старорусское вѣно) существуетъ понынѣ у всѣхъ мусульманскихъ народовъ и возникъ въ виду соотвѣтственнаго постановленія писаннаго закона—шаріата. Но между тѣмъ, какъ по шаріату весь калымъ составляетъ полную и неотъемлемую собственность самой невѣсты и служитъ ей обезпеченіемъ на случай развода,—по туркменскому адату (обычаю) ¹⁾ калымъ есть рыночная стоимость женщины, плата ея родственникамъ за воспитаніе и прокормленіе до замужества.

До прихода русскихъ въ край размѣръ калыма былъ не великъ и колебался въ предѣлахъ отъ 100 до 150 рублей. Но затѣмъ онъ

¹⁾ Туркмены вообще плохіе мусульмане и во многомъ отступаютъ отъ шаріата, замѣняя его своими адатами.

сталъ постепенно расти и въ настоящее время достигаетъ очень высокой цифры—400—800 рублей, а иногда даже и выше.

Главною причиною такого поднятiя «курса на женщину» послужило отсутствiе подвоза этого «товара» изъ Персiи, откуда въ прежнее время очень легко было доставать его путемъ набѣговъ (аламановъ). Удачные набѣги давали тогда цѣлыя толпы рабовъ—мужчинъ и женщинъ, служившихъ какъ для «домашняго употребленiя», такъ и для продажи на рынкахъ Бухары, Хивы, Коканда и другихъ среднеазиатскихъ ханствъ. Теперь же миновали эти «златыя» времена вольной Туркменiи, и сынамъ ея приходится довольствоваться тѣмъ «товаромъ», который имѣется на мѣстномъ рынкѣ. Понятно, что онъ вздорожалъ въ нѣсколько разъ противъ прежнихъ цѣнъ, и весьма естественно, что въ дикой Туркменiи «въ дѣвкахъ не засиживаются»...

Весь калымъ, какъ уже сказано, беретъ себѣ ближайшiй родственникъ невѣсты «по крови и кости»—ея отецъ, братъ, дѣдъ со стороны отца, племянникъ, двоюродный братъ и т. д. до той степени родства. Если же нѣтъ родственниковъ, то калымъ поступаетъ въ пользу опекуна или вообще лица, воспитавшаго невѣсту и выдавшаго ее замужъ.

Понятно въ виду этого, насколько выгодно туркмену имѣть дочь или родственницу-невѣсту. Понятно также и то, что дѣвочка-сирота никогда не останется на улицѣ, такъ какъ каждый готовъ взять ее къ себѣ на воспитанiе, имѣя въ виду получить за нее послѣдствiи солидный кушъ.

Уплачивается калымъ обыкновенно на половину деньгами, а на половину—имуществомъ (скотомъ, коврами, матерiями), при чемъ этому послѣднему дѣлается всегда очень высокая расцѣнка, особенно у тѣхъ, кто имѣетъ нѣсколько дочерей: за слѣдующихъ можно будетъ запросить побольше...

За дѣвушку вообще калымъ полагается ниже, чѣмъ за вдову, и это вполне рационально: тогда какъ дѣвушка выходитъ замужъ въ молодыхъ годахъ, въ большинствѣ даже недоразвившись еще физически ¹⁾,—вдова представляетъ собой уже несомнѣнно вполне доброкачественный товаръ, и какъ самка, и какъ рабочая сила.

Вносятся калымъ не сразу, а обыкновенно въ разсрочку, потому что рѣдкiй женихъ въ состоянiи внести всю покупную сумму одновременно. Но извѣстная часть ея обязательно должна быть внесена до совершенiя брака. Въ обезпеченiе же остальной молодая жена черезъ нѣкоторое время послѣ свадьбы (отъ двухъ недѣль до двухъ мѣсяцевъ) возвращается къ своимъ родственникамъ и остается у нихъ до уплаты всей суммы. Это, конечно, по-

¹⁾ Иногда 8—9 лѣтъ, хотя въ этомъ случаѣ она не поступаетъ сразу въ домъ мужа, а остается временно у своихъ родителей.

буждаетъ «молодого», вкусившаго уже сладость супружеской жизни, приложить всё усилія къ скорѣйшему выкупу живого «залого». Если же эти усилія окажутся тщетными, то родственники жены предъявляютъ къ нему искъ въ судѣ о неуплаченномъ калымѣ. Судъ постановляетъ удовлетворить истца въ теченіе извѣстнаго срока, а если и этотъ срокъ окажется недостаточнымъ, то обязываетъ мужа дать женѣ разводъ или же, при несогласіи его, самъ даетъ его.

Загѣмъ, если женщина овдовѣетъ и вздумаетъ вновь выйти замужъ, то за нее опять-таки долженъ быть внесенъ калымъ и притомъ не родственникамъ покойнаго мужа, а тому же ближайшему родственнику ея «по крови и кости». И только лишь тогда, когда она выходитъ замужъ за брата или родственника покойнаго мужа, т. е. когда она остается въ родѣ этого послѣдняго, то калыма не полагается, такъ какъ этотъ родъ уже однажды приобрѣлъ её и, если не можетъ продать въ свою пользу, то, по крайней мѣрѣ, не долженъ платить за нее вторично.

Насколько подобные адаты милы и дороги обладателямъ «живого товара», настолько, конечно, они обременительны для молодого холостого населенія, которое зачастую не въ состояніи собрать требуемой суммы и должно обходиться безъ женъ. А если нужная сумма постепенно и собирается, то для этого приходится закабалиться на долгіе годы и всякое приобретеніе нести не въ свой домъ, а къ родственникамъ невѣсты или жены.

Русское правительство давно уже обратило вниманіе на эти грустные факты, но, не желая прибѣгать къ насильственной ломкѣ установившихся обычаевъ, старается моральнымъ воздѣйствіемъ побудить туркменъ къ уничтоженію калыма или, по крайней мѣрѣ, пониженію его.

Вопросъ этотъ, по приказанію бывшаго начальника Закаспійской области генераль-лейтенанта А. Н. Куропаткина, былъ поставленъ и официально на одномъ изъ чрезвычайныхъ съѣздовъ народныхъ судей. Съѣздъ высказался за установленіе однообразнаго калыма въ 400 рублей, но и то съ оговоркой, что его мнѣніе не можетъ имѣть обязательной силы, и что необходимо запросить объ этомъ низшіе суды и вообще весь народъ, каковое распоряженіе и было тогда же сдѣлано со стороны начальства области. Но если вопросъ разрѣшится даже въ этомъ смыслѣ установленія *prix fixe* на женщинъ, то и это будетъ уже выигрышемъ для большинства населенія.

Въ заключеніе этой главы приведу одинъ случай, имѣвшій мѣсто въ Мервѣ въ 1884 году и очень характерно иллюстрирующій взглядъ туркменъ на женщину.

Отецъ трехъ дочерей задолжалъ своему соплеменнику нѣкоторую сумму денегъ и не могъ уплатить, несмотря на данныя

ему двѣ, три отсрочки. Тогда заимодавецъ, имѣвшій уже 4 женъ и потому не имѣвшій права жениться, отобралъ у должника его дочерей и продалъ ихъ на сторону. Старикъ отецъ заявилъ на него въ судъ, но при этомъ жаловался не на самый фактъ продажи дочерей, а на то, что онѣ проданы очень дешево, и что за нихъ можно было выручить гораздо больше!... ¹⁾).

Попутно вспоминается мнѣ одинъ мой знакомый текинецъ, продавецъ коровъ. Онъ часто заходилъ ко мнѣ, когда я былъ въ Мервѣ, охотно пилъ чай и не менѣе охотно вступалъ въ разговоры на разныя темы. Однажды зашла у насъ рѣчь о калымѣ и о женщинахъ. Оказалось, что мой знакомецъ женатъ, имѣетъ одну жену, но жена эта «яманъ» ²⁾, потому что дѣтей нѣтъ, поэтому онъ хочетъ взять другую и намѣтилъ уже избранницу, да дорого просять—500 рублей.

— Такъ ты въ нашу вѣру перекрестись,—говорю я ему смѣясь:— у насъ ничего платить за женъ не нужно, да еще и за ними даютъ, чтобы только брали. Да и то бываетъ, что не берутъ!..

Текинецъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на меня и, истолковавъ, очевидно, мои слова въ шутку, сказалъ, указывая на сидѣвшую тутъ же мою жену.

— А бояръ ³⁾ дорого далъ за свою жену? Или пепкешъ взялъ?

Какъ потомъ я ни убѣждалъ его въ справедливости своихъ словъ, онъ такъ и ушелъ съ мыслью, что я смѣюсь надъ нимъ.

— Гдѣ жъ это видано, чтобы женщинъ не только отдавали даромъ, но еще и деньги за ними давали? И чтобы при всемъ томъ ихъ все-таки не брали?!..

Однако обращаюсь къ дальнѣйшему разсказу.

IV.

Дѣло о калымѣ.

Суть дѣла.—Стороны и ихъ пренія.—Попытка примиренія ихъ.—Опредѣленіе сѣзда.

— Итакъ,—продолжалъ помощникъ предсѣдателя, обращаясь къ судьямъ:—теперь мы будемъ разбирать споръ между Эвезъ Шиховымъ и Аппа Сеюковымъ. Жена перваго изъ нихъ, Фатъма, приходящаяся теткой отвѣтчику, ушла къ послѣднему отъ своего мужа. Въ виду этого Шиховъ требуетъ отъ Сеюкова возврата Фатъмы,

¹⁾ Обзоръ Закаспійской области съ 1882 по 1890 г. Изд. 2, Асхабадъ, 1887 г., стр. 31.

²⁾ Плохая.

³⁾ Баринъ, господинъ.

а Сеюковъ заявляетъ, что готовъ исполнить это требованіе, но лишь когда Шиховъ уплатитъ ему оставшійся еще за нимъ калымъ, именно 50 тумановъ ¹⁾. Дѣло это разбиралось уже въ асхабадскомъ уѣздномъ судѣ, который постановилъ взыскать съ Шихова 50 тумановъ, а затѣмъ возвратитъ ему Фатьму. Шиховъ остался недоволенъ этимъ рѣшеніемъ и перенесъ дѣло въ сѣздъ. Понятно?

Судьи закивали въ отвѣтъ головами, и передъ ними, по вызову бравыхъ молодцевъ изъ туркменскаго дивизиона ²⁾, появились «участвующія въ дѣлѣ лица».

Истецъ Шиховъ былъ молодой и красивый туркменъ, лѣтъ 35, а отвѣтчикъ, къ общему удивленію, оказался мальчикомъ лѣтъ 11—12. Рядомъ съ нимъ стала и его тетка Фатьма, жена Шихова—молодая, лѣтъ 30, женщина съ довольно выразительнымъ и красивымъ лицомъ ³⁾. Одѣта она была въ обычный костюмъ замужнихъ туркменокъ—длинную до пятъ рубаху изъ мѣстной ткани аладжи, подхваченную шерстянымъ кушакомъ; волосы были тщательно запряты подъ краснымъ шелковымъ платкомъ, концы котораго сходились на нижней части лица и закрывали подбородокъ и ротъ; на груди были мониста изъ разныхъ серебряныхъ вещицъ и монетъ, а въ ушахъ громадныя серьги, настолько громадныя, что уши не удержали бы ихъ, почему Фатьма и подвязала ихъ сверху головы. Завершеніемъ ея костюма былъ простой мужской халатъ, накинутый на голову, такъ что эта послѣдняя входила въ одинъ изъ рукавовъ: это внѣшній знакъ замужества и подчиненія власти мужа.

Истецъ Эвезъ Шиховъ безъ всякаго приглашенія, выступивъ впередъ, сталъ скороговоркою излагать суду свои требованія. Судьи слушали, кивая головами, и временами останавливали и переспрашивали его.

Не менѣе внимательно слушала истца и противная сторона и особенно Фатьма, присѣвшая передъ столомъ на корточки и придерживавшая одною рукою прелестнаго мальчугана лѣтъ 4-хъ, съ бойкими черными глазами, одѣтаго въ маленькій халатикъ и баранью папаху. Въ наиболѣе же интересныхъ для нея мѣстахъ она стремительно вскакивала съ мѣста, подбѣгала къ судьямъ и начинала энергично доказывать неправоту истца. Судьи не обращали вниманія на такое нарушеніе порядка процесса, а когда въ концѣ

¹⁾ Мервскій туманъ = 40 персидскимъ кранамъ, асхабадскій = 20 кранамъ; кранъ = 20 коп. Персидскій туманъ = 10 рублямъ.

²⁾ Почти тотчасъ же за завоеваніемъ Ахала изъ туркменъ была сформирована сотня, которая молодецки дралась уже на Кушкѣ съ авганцами въ 1885 году. Теперь эта сотня развернута въ дивизионъ, во главѣ котораго стоятъ русскіе офицеры.

³⁾ Туркменки не слѣдуютъ вообще примѣру своихъ мусульманскихъ сестеръ и не закрываютъ своихъ лицъ; иногда только прикрываютъ ротъ и подбородокъ.

концевъ страсти разгорѣлись, и къ голосамъ тяжущихся стали при-
мѣшиваться голоса ихъ родственниковъ,—они даже раздѣлились
между собой и стали слушать кто истца, кто отвѣтчика и Фатьму,
а кто даже и постороннихъ лицъ... И только вмѣшательство пред-
сѣдателя и его помощника могло возстановить хоть на время поряд-
докъ и придать процессу должное теченіе.

— Я все заплатилъ за нее,—закончилъ свою рѣчь Эвезъ Ши-
ховъ:—ничего не остался долженъ, и она должна вернуться ко мнѣ.

— Неправда, неправда, онъ все вретъ,—воскликнула Фатьма:—
онъ еще остался долженъ 50 тумановъ, и пока онъ не уплатитъ
ихъ, я не пойду къ нему!

Но тутъ, по знаку предсѣдателя, къ ней подскочилъ джигитъ
и прикрикнулъ на нее, велѣвъ молчать, пока ея не спрашиваютъ.

— А у тебя есть свидѣтели, что ты все уплатилъ?—спросилъ
истца одинъ изъ судей.

— Да это давно уже было,—уклончиво отвѣтилъ тотъ:—болѣе
пяти лѣтъ тому назадъ. Было двое свидѣтелей, да одинъ умеръ уже,
а другой уѣхалъ отсюда.

— Никакихъ у него свидѣтелей нѣтъ,—закричала вновь Фатьма:—
онъ все вретъ!

— Онъ все вретъ,—тоненькимъ и не окрѣпшимъ еще голосомъ
повторилъ за нею и отвѣтчикъ Сеюковъ:—онъ долженъ былъ упла-
тить мнѣ за тетку 70 тумановъ, 100 барановъ, 24 верблюда, 9 ку-
сковъ матеріи на платье, да коверъ, да серебряный черезсѣдель-
никъ, серебряный налобникъ и одну верблюдицу съ верблюженкомъ.
Все это онъ отдалъ, кромѣ 50 тумановъ, которые долженъ до сихъ
поръ.

— А ты что же выростилъ и воспиталъ свою тетку, что тре-
буешь теперь за нее деньги?—съ улыбкой обратился къ нему помощ-
никъ предсѣдателя.

— Нѣтъ, это она меня воспитала и вырастила,—отвѣтилъ маль-
чикъ:—но я её продалъ, и онъ долженъ мнѣ уплатить, что слѣдуетъ
по уговору.

— Какъ видите, жестокіе у насъ нравы,—обратился улыбаясь
помощникъ предсѣдателя къ этому послѣднему:—при случаѣ маль-
чика и мать свою готовъ былъ бы продать, лишь бы получить
калымъ. Но, къ счастью, это по адату невозможно.

Между тѣмъ процессъ шель своимъ порядкомъ, и Фатьма, вскри-
кивая и жестикулируя, объяснила суду, что мужъ ея Эвезъ Ши-
ховъ—большой негодяй, что послѣ свадьбы онъ повезъ её въ
Персію и тамъ отнялъ у нея всѣ ея дорогія вещи—браслетъ,
кольца, украшенія, и продалъ ихъ. Когда же она заявила протестъ
противъ такой наглости, то онъ объявилъ ей, что и её-то онъ
привезъ въ Персію, чтобы продать. И дѣйствительно черезъ нѣ-
которое время пришелъ покупатель—персюкъ, и сталъ осматривать

ее. Но тутъ ужъ она не выдержала, убѣжала отъ мужа и заявила жалобу на него мѣстнымъ властямъ. Тѣ приняли ее подъ свое покровительство и припугнули мужа, говоря, что изъ-за этого можетъ дѣло начаться, что съ русскимъ правительствомъ шутить нельзя. Тогда Эвезъ Шиховъ, испугавшись, увезъ ее обратно домой, но тутъ сталъ всячески обижать и бить, почему она однажды ночью и убѣжала отъ него къ своему брату.

— Не хочу возвращаться къ нему,—категорически заявила она подъ конецъ:—пускай весь калымъ уплатитъ, тогда только пойду.

— А у тебя свидѣтели есть, что онъ не все уплатилъ?—обратились къ ней судьи, повторивъ тотъ же вопросъ и Сеюкову.

Оба отвѣтили отрицательно, ссылаясь на давность, но упорно продолжали настаивать на томъ, что Шиховъ не уплатилъ еще 50 тумановъ...

— Ну, вы лучше помиритесь,—заговорили судьи со всѣхъ сторонъ.—Сеюковъ сбросить чтонибудь съ 50 тумановъ, а Шихову мы накажемъ не обижать жену.

— Нѣтъ, нѣтъ, я несогласенъ мириться,—отвѣтилъ твердо Шиховъ:—я все уплатилъ и ничего болѣе не долженъ.

И такъ какъ окончательное примиреніе не состоялось, свидѣтелей не было, и сами стороны заявили о необходимости присяги, то судъ, удалившись въ совѣщательную комнату, постановилъ: дать присягу двумъ почетнымъ лицамъ изъ рода Сеюковыхъ въ томъ, что они убѣждены въ неуплатѣ Шиховымъ 50 тумановъ калыма, тогда дѣло само собой рѣшится въ пользу Сеюкова; если же вызванные лица откажутся отъ этой присяги, то дать присягу самому Шихову въ томъ, что онъ уплатилъ полностью выкупъ за жену свою Фатму.

V.

Присяга у туркменъ.

Предложеніе и отказъ отъ присяги.—Значеніе ея у туркменъ.—Примѣръ изъ жизни.—Очистительная присяга.—Готовность истца и отчаяніе отвѣтчицы.—Рѣшеніе сѣзда.

Когда это рѣшеніе было объявлено, среди «публики» начались движеніе и шумъ. Всѣ задвигались, заговорили, а кое-кто изъ переднихъ рядовъ юркнулъ въ задніе, поближе къ выходу. Но больше всѣхъ суетился и волновался истецъ Шиховъ. Жестикулируя и выкрикивая какія-то фразы, онъ смѣшался съ толпой и то показывался вновь впереди, то пропадалъ позади своихъ собратьевъ... Для него рѣшался теперь важный вопросъ: кто же изъ рода жены

будеть присягать—дѣйствительно ли вѣрный человекъ или какойнибудь проходимецъ, для котораго и присяга-то ничего не значитъ?

Но вотъ шумъ немного улегся, и на передній планъ выдвинулся, подталкиваемый сзади многими руками, дородный туркмень большого роста и весьма благообразной наружности.

— Юхъ, юхъ (нѣтъ, нѣтъ)!—энергично заговорилъ вытолкнутый, размахивая руками:— я не буду присягать. Я знаю, что Шиховъ не уплатилъ калыма по условію, но присягать не согласенъ. Я еще ни разу въ жизни не присягалъ и теперь не стану, не только изъ-за 50 тумановъ, но и изъ-за цѣлой кучи денегъ.

И онъ, энергично отстранивъ подталкивавшія его руки, раздвинулъ толпу и исчезъ въ ней.

-- Но кому же тогда присягать у Сеюковыхъ?—сказалъ одинъ изъ судей:—другого можно было бы достать, но этотъ—самый почетный у нихъ, и безъ него ничего не выйдетъ.

— Ну, тогда пускай Шиховъ присягаетъ, — сказалъ другой судья.

Остальной ареопагъ выразилъ свое согласіе, и Шиховъ быстро подошелъ къ столу. Тогда поднялся съ своего мѣста и Куль-Муррадъ-казій, развернулъ ситцевый платокъ и вынулъ изъ него небольшой коранъ въ кожаномъ переплетѣ.

Но тутъ среди публики началось настоящее смятеніе. Всѣ, кто былъ въ залѣ, повернули кругомъ и пустились къ выходу, давя другъ друга и взаимно наступая на ноги. Даже нѣкоторые изъ судей сдѣлали попытку встать и уйти въ совѣщательную комнату, и только замѣчаніе председателя удержало ихъ на мѣстѣ...

Въ объясненіе этой сцены считаю нужнымъ замѣтить, что туркмены, не въ примѣръ своимъ единовѣрцамъ Закавказья, среди которыхъ всегда можно найти сколько угодно «достоверныхъ лже-свидѣтелей»,—туркмены, говорю я, относятся къ присягѣ съ чрезвычайнымъ благоговѣніемъ и страхомъ. Они прибѣгаютъ къ ней, какъ читатель могъ уже замѣтить изъ предыдущаго, только въ крайнихъ случаяхъ, когда всѣ другія средства для рѣшенія дѣла не могутъ имѣть примѣненія.

По ихъ мнѣнію, уже одно принятіе хотя бы правильной присяги, когда есть еще хоть какойнибудь способъ обойтись безъ нея, составляетъ большой грѣхъ и ложится тяжелымъ пятномъ на человека, рѣшившагося на нее. Принятіе же присяги ложной составляетъ величайшій грѣхъ, за который нѣтъ искупленія въ будущей жизни, и за которымъ должна послѣдовать неминуемая и, быть можетъ, немедленная кара въ этой жизни и при томъ не только

для самого клятвенпреступника, но и для его рода, а также и для всѣхъ присутствующихъ при этомъ актѣ¹⁾.

Понятно поэтому, почему никто не хочетъ присутствовать при присягѣ, и почему сторона, настаивающая на ней и безусловно обязанная присутствовать при этомъ актѣ, такъ какъ иначе онъ не имѣетъ никакого значенія,— почему эта сторона сама принимаетъ всѣ мѣры къ примиренію и соглашается на всякія уступки, лишь бы присяга не состоялась... Равно понятно и то, что, когда все готово къ присягѣ, казій предлагаетъ присягающему вопросъ: «пехлеванъ булурсенъ му?» т. е. «согласенъ ли быть героемъ, храбрецомъ?»...

Затѣмъ, какъ опять-таки читатель могъ замѣтить изъ предыдущаго, туркменская присяга не имѣетъ нашего характера — удостовѣренія правильности показанія свидѣтеля: ее могутъ принять и принимаютъ лица, которые по существу дѣла ничего не знаютъ, и въ подтвержденіе того, что, по ихъ мнѣнію, такой-то фактъ долженъ былъ случиться или не могъ имѣть мѣста при тѣхъ условіяхъ, на которыя указываетъ та или другая сторона. Точно также ее зачастую принимаетъ обвиняемый или отвѣтчикъ, въ удостовѣреніе того, что онъ не совершилъ приписываемаго ему дѣянія (например, убійства, кражи) или не долженъ требующихъ истцемъ денегъ. Такимъ путемъ онъ «очищается» отъ обвиненія или иска, почему присяга эта и носитъ названіе очистительной.

Теперь читателю ясно, почему вся толпа двинулась къ выходу, лишь только казій взялся за коранъ. И, конечно, зала засѣданія

¹⁾ Г. Ломакинъ, въ цитированномъ уже трудѣ своемъ, приводитъ слѣдующій характерный случай, прекрасно рисующій отношеніе туркменъ къ присягѣ. Въ 1891 году въ Тедаженскомъ народномъ судѣ разбиралось дѣло по обвиненію Ашкакомъ-Иушанъ-оглы и Котуромъ-Сарыджа-оглы душакскаго жителя Ваджика въ кражѣ лошади. Никакихъ доказательствъ не имѣлось, и обвинители согласились принять присягу въ подтвержденіе того, что Ваджикъ дѣйствительно—воръ. Но во время присяги одинъ изъ обвинителей упалъ въ обморокъ и былъ вынесенъ изъ помѣщенія суда; другой хотѣлъ продолжать принятіе присяги, но и съ нимъ случился обморокъ. Когда же первый былъ приведенъ въ чувство, онъ явился къ народнымъ судьямъ и настаивалъ, чтобы ему вновь разрѣшили присягнуть. Судьи изъявили согласіе, но когда его вновь начали приводить къ присягѣ, и онъ повторилъ за казіемъ нѣсколько словъ ея,—съ нимъ приключился новый обморокъ, и на этотъ разъ настолько глубокой, что онъ пришелъ въ себя только черезъ нѣсколько часовъ... Присяга, такимъ образомъ, не состоялась. Затѣмъ, въ томъ же году, по небрежности одного охотника, выкуривавшаго въ заросляхъ изъ норы лисицу, произошелъ пожаръ, при чемъ сгорѣло до 400 барановъ, принадлежавшихъ родственникамъ обвинителей Ашкака и Котура. Въ этомъ событіи весь народъ, а равно и сами потерѣвшіе увидѣли Божию кару за ложную присягу и не только не принесли жалобы на охотника, но просили и мѣстную администрацію не преслѣдовать его, когда случайно стало извѣстно о пожарѣ...

опустѣла бы въ нѣсколько секундъ, еслибы неожиданная сцена не помѣшала присягѣ и не вернула публику обратно на ея мѣста.

Знакомая уже намъ Фатьма, жена истца, относившаяся до сихъ поръ довольно сдержанно ко всѣмъ оборотамъ дѣла, при приближеніи своего мужа къ судейскому столу, на которомъ лежалъ кожанъ, стремительно вскочила съ своего мѣста, такъ что сынишка, державшійся обѣими руками за ея рубашку, отлетѣлъ даже въ сторону, и стала вопить и кричать, нанося себѣ удары по лицу и по тѣлу.

— Я не хочу, чтобы онъ присягалъ!—кричала она:—что ему присяга, когда онъ и меня хотѣлъ продать въ Персію! Онъ скверный человѣкъ! Ему лишь бы калыма не платить. Если онъ присягнетъ и возьметъ меня съ собой, то будетъ бить меня, руки мнѣ свяжетъ, истязать меня будетъ.

И тутъ же она начала фигурально на самой себѣ изображать, какъ мужъ станетъ бить и истязать ее, и какъ свяжетъ ей руки...

Велѣдъ за Фатьмой запищаль и заплакалъ ея мальчишкѣ, а за нимъ зашумѣла и закричала воротившаяся обратно публика. Со всѣхъ сторонъ поднялись протесты противъ присяги, съ присовокупленіемъ неслестныхъ для Шихова эпитетовъ.

— Ему, видно, и присяга ни почемъ,—заговорилъ гнѣвно, выдвинувшись впередъ, тотъ же дородный туркмень, который раньше отказался отъ присяги,—а какъ мы будемъ присутствовать при этомъ? За что мы-то будемъ страдать за него? Нельзя ему давать присяги!

Тутъ гвалтъ и крики стали общими, и не извѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, еслибы предсѣдатель не велѣлъ джигитамъ возстановить порядокъ. Тѣ быстро стали раздавать направо и налѣво толчки и удары ножнами своихъ клынчей, и дисциплинированная публика мало-помалу умолкла.

Между тѣмъ и судьи, усомнившись, очевидно, въ добросовѣстности Шихова, рѣшили устранить его отъ присяги и удалились въ совѣщательную комнату для постановки рѣшенія.

Около получаса совѣщались они, усѣвшись кругомъ стола, и въ концѣ концовъ примкнули все къ мнѣнію, поданному прапорщикомъ милиціи Кары-нианомъ, довольно плотнымъ туркменомъ съ черною бородой и большими умными глазами.

— Присяги Шихову нельзя давать,—говорилъ Кары-нианъ,—онъ ненадежный человѣкъ. Да и не нужно ее: вѣдь нѣсколько же человѣкъ изъ рода жены,—и въ ихъ числѣ тотъ толстый, который отказался присягать,—заявили намъ, что истецъ не уплатилъ 50 тумановъ. На этомъ и порѣшимъ.

— Яхши, яхши (хорошо)!—отозвались остальные судьи и тотчасъ же постановили: обязать Шихова въ теченіе полугода уплатить Сеюкову 50 тумановъ; а если не уплатитъ, то жена его, Фатьма, можетъ просить въ судѣ о разводѣ.

Это рѣшеніе было тутъ же объявлено въ залѣ и записано казіемъ на арабскомъ языкѣ.

Фатъма и Сеюковъ удалились сіяющіе, а Шиховъ сталъ громко выражать свое неудовольствіе, пока подскочившій къ нему сзади джигитъ не попросилъ его «честью» замолчать и удалиться изъ залы.

VI.

Дѣло о кяризѣ.

Споръ ясманъ-салыхцевъ и багирцевъ.—Что такое кяризъ.—Дебаты сторонъ.—Показаніе Куль-Мурадъ-казія.—Отказъ старшины отъ присяги.—Отказъ казія.—Присяга ясманъ-салыхцевъ и завѣдомо несправедливое рѣшеніе сѣзда.—Резолюція начальника области.

— Ну, слава Богу, покончили съ этимъ тяжелымъ дѣломъ,—сказалъ предсѣдатель, обращаясь къ своему помощнику, когда Шиховъ былъ удаленъ изъ залы:—теперь можемъ перейти къ слѣдующему дѣлу. Что тамъ на очереди?

— Тутъ вотъ дѣло по спору о кяризѣ между ясманъ-салыхцами и багирами,—отвѣтилъ помощникъ:—значить, отъ калыма перейдемъ къ кяризу?

— Прекрасно. Объявите же судьямъ.

— Ну, теперь новое дѣло,—заговорилъ помощникъ, обращаясь по-туркменски ко всему ареопагу:—нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ жители аула Ясманъ-Салыхъ заявили въ Асхабадскомъ народномъ судѣ, что за 25 лѣтъ до занятія края русскими жители аула Багиръ заняли разработанный ими, ясманъ-салыхцами, кяризъ Кизиль-Чешме и съ тѣхъ поръ неправильно имъ владѣютъ; а чтобы закрѣпить его за собою, они даже дали ему новое названіе Токъ-Кала... Въ виду этого, они просятъ отобрать кяризъ и возратить его имъ. Багиры же на это возражаютъ, что кяриза Кизиль-Чешме никогда не существовало, а былъ кяризъ Токъ-Кала; разработанъ же онъ ими, багирами, и находится на ихъ же землѣ. За 25 лѣтъ до занятія края русскими, ясманъ-салыхцы уже заявляли подобный же споръ, но онъ былъ разрѣшенъ въ пользу ихъ, багирцевъ, о чемъ хорошо извѣстно Куль-Мурадъ-казію, бывшему тогда въ числѣ судей-рѣшителей спора. Въ виду такой ссылки багирцевъ на казія Куль-Мурада, этотъ послѣдній былъ спрошенъ асхабадскимъ народнымъ судомъ и дѣйствительно подтвердилъ ссылку багирцевъ. Поэтому судъ утвердилъ кяризъ за багирами; ясманъ-салыхцы же остались недовольны этимъ рѣшеніемъ и перенесли дѣло въ чрезвычайный сѣздъ. Вотъ этотъ споръ мы и должны разобрать теперь.

Пока шелъ этотъ докладъ, въ толпѣ начались шумъ и движеніе. На передній планъ выступили представители спорящихъ ауловъ, приготовившіеся, очевидно, къ жестокому сраженію.

Однако, прежде чѣмъ продолжать дальнѣйшій рассказъ, необходимо объяснить читателю, что такое кяризь.

Закаспійская область, какъ извѣстно, имѣеть чрезвычайно знойное и сухое лѣто, продолжающееся съ марта-апрѣля по сентябрь-октябрь. За весь этотъ періодъ небо остается почти абсолютно безоблачнымъ, и солнце,—южное горячее солнце,—обливаетъ отъ восхода и до заката своими палящими лучами всю территорію области, накаливая ее до чрезвычайно высокой температуры. Эта огромная сумма тепла даетъ возможность разводить краю самыя нѣжныя экзотическія культуры, но, конечно, при одномъ лишь условіи—при обильномъ орошеніи почвы. А гдѣ же взять это орошеніе, если за все болѣе чѣмъ полугодовое лѣто съ неба не упадетъ ни одной капли дождя? Понятно, при этихъ условіяхъ нельзя ужъ рассчитывать на силы природы, а нужно приложить свой собственный трудъ. И вотъ, въ степяхъ Закаспія, на подобіе другихъ знойныхъ странъ, возникаютъ большія оросительныя системы, гдѣ пользуются каждою рѣчкой и ручьемъ, распредѣляя ихъ влагу по землѣ, при посредствѣ сложной ирригаціонной сѣти, и гдѣ выводятъ искусственно на поверхность земли подпочвенную воду, при помощи колодцевъ, соединенныхъ между собою подземными галлереями. Вотъ эти-то колодцы съ соединяющими ихъ галлереями и называются кяризами. Устройство ихъ требуетъ большой опытности и стоить въ общемъ очень дорого; но нужда въ водѣ, безъ которой немыслима въ области никакая культура, заставляетъ рыть одинъ кяризь за другимъ и всѣми силами отстаивать за собою разъ уже сооруженную систему.

О подобномъ-то дорогомъ во всѣхъ смыслахъ сооруженіи и шелъ теперь споръ между ясманъ-салыхцами и багирцами.

Итакъ спорящія стороны приготовились къ серіозному бою и, придвинувшись къ судейскому столу, начали одновременно и энергично излагать исторію дѣла и доказывать свои права на кяризь.

И судьи, и предсѣдатель предоставили имъ полный просторъ, и надо было видѣть то воодушевленіе и ту страстность, которую они вкладывали во взаимные дебаты.

Каждый аулъ выставилъ по нѣсколько говоруновъ, и они, оживленно жестикулируя, старались перекричать другъ друга, а когда это не удавалось,—оттаскивали своихъ противниковъ отъ стола и занимали ихъ мѣста. Судьи, выросшіе среди тѣхъ же обычаевъ, нисколько, конечно, не удивлялись такому способу веденія преній и слушали тѣхъ, которые въ данную минуту стояли передъ ними.

Особенно хорошъ былъ одинъ багирецъ—молодой мужчина, високаго роста, съ красивымъ и выразительнымъ лицомъ, на которомъ, какъ два алмаза, горѣли черные огненные глаза. Онъ жестоко насѣдалъ на ясманъ-салыхцевъ и, отгѣснивши ихъ отъ стола, сталъ настойчиво требовать, чтобы былъ выслушанъ по дѣлу, въ

качества свидѣтеля, Куль-Мурадъ-казій, который принималъ участіе въ рѣшеніи этого же спора за 25 лѣтъ до прихода русскихъ въ край.

Его настоянія увѣнчались успѣхомъ, и, по восстановленіи нѣкоторой тишины, казій заговорилъ тихимъ, немного дребезжащимъ старческимъ голосомъ.

— Дѣйствительно я былъ въ числѣ судей, которые задолго до паденія Геокъ-Тепе рѣшали это дѣло. Тогда житель аула Яманъ-Салыхъ, Озбекъ-Кизымъ, который теперь уже умеръ, потребовалъ отъ багирцевъ, чтобы они отдали ему кяризь Кизиль-Чешме, будто бы имъ разработанный, но расположенный на землѣ багирцевъ. Эти не захотѣли уступить. Пошелъ споръ, и вотъ для рѣшенія его составили маслахатъ изъ трехъ человекъ: багирскаго шпана Оразъ-Имама, геокчинскаго почетнаго аксакала Кетхуды-Байрама-Али-Мергена-Ниязъ-Келова, — оба они уже умерли, — и меня, такъ какъ я тогда былъ уже казіемъ. Вотъ мы, по требованію сторонъ, и порѣшили, чтобы багирцы выбрали изъ яманъ-салыхцевъ двухъ честныхъ, вѣрныхъ людей, и чтобы тѣ приняли присягу въ подтвержденіе заявленія Озбекъ-Кизыма. Но выбранные такимъ образомъ Кадыръ-Верды и Аллакъ Долихановъ отказались присягать. Тогда Озбекъ-Кизымъ самъ выбралъ изъ багирскаго общества двухъ людей Берды Бекала-Бабишъ-оглы и Таджъ-Мамеда и предложилъ имъ присягнуть на томъ, что спорный кяризь называется Токъ-Кала, а не Кизиль-Чешме, и что онъ принадлежитъ багирцамъ. Тѣ присягнули, и тогда Озбекъ-Кизымъ отказался отъ спора, и кяризь остался попрежнему въ рукахъ багирцевъ. Я самъ былъ тогда, рѣшалъ это дѣло и теперь говорю сущую правду, — закончилъ казій свой разсказъ.

— Зачѣмъ же теперь опять спорить объ этомъ? — заволновались тутъ багирцы: — кяризь нашъ и находится на нашей землѣ. Они уже хотѣли отобрать его отъ насъ, но это имъ не удалось. Чего же теперь еще имъ нужно?

— Нѣтъ, нѣтъ, — кричали въ свою очередь яманъ-салыхцы: — никакого рѣшенія тогда не было, и суда не было. Пускай они теперь присягаютъ или выберутъ изъ насъ вѣрныхъ людей для присяги.

И снова заволновалась и заходила толпа, насѣдая на судей, крича и жестикулируя.

Не зная, на чемъ остановиться, судьи удалились въ совѣщательную комнату и, вышедши оттуда черезъ нѣсколько минутъ, объявили, что рѣшено дать присягу старшинамъ шести смежныхъ ауловъ, которые показали, что слышали о состоявшемся за 25 лѣтъ до взятія Геокъ-Тепе рѣшеніи этого дѣла; если они подтвердятъ, что рѣшеніе состоялось, и при томъ въ пользу багирцевъ, то кяризь и останется за этими послѣдними; если же откажутся, то тогда двое яманъ-салыхцевъ должны присягнуть на томъ, что кяризь принадлежитъ имъ, а не ихъ противникамъ.

Но едва судъ объявилъ свое постановленіе, какъ въ залѣ началось настоящее столпотвореніе. Вся толпа закричала и загалдѣла; одинъ лѣзъ на другого, и каждый хотѣлъ перекричать всѣхъ своихъ сосѣдей. Долго звенѣлъ колокольчикъ предсѣдателя; долго молодцы-джигиты раздавали направо и налево толчки и удары своими клынчами... Наконецъ относительная тишина была восстановлена, и тогда оказалось, что и тѣ и другіе присягать не согласны. Старшины при этомъ объяснили, что очевидцами рѣшенія не были и потому присяги дать не могутъ.

Судьи въ недоумѣніи стали переговариваться и переговариваться между собой, но тутъ на выручку имъ явился одинъ изъ тяжущихся съ предложеніемъ привести къ присягѣ самого Куль-Мурадъ-казія.

Общій смѣхъ толпы былъ отвѣтомъ на это предложеніе, а старичекъ казій, волнуясь и негодуя, заявилъ, что въ жизни своей ни разу еще не присягалъ и теперь присягать не будетъ: сказалъ, какъ было дѣло,—и довольно!

И вотъ судьи опять удалились въ совѣщательную комнату. Куль-Мурадъ тоже было двинулся за ними, но они замахали ему руками и заставили вернуться обратно въ залу.

Долго совѣщался почтенный ареопагъ, какъ поступить въ такомъ затруднительномъ положеніи, какъ выйти изъ него, чтобы и дѣло порѣшить, да и адатовъ не нарушить. Въ концѣ концовъ надумались позвать Куль-Мурада и предложить ему дать присягу. Казій пришелъ, но на предложеніе присяги отвѣтилъ категорическимъ и безусловнымъ отказомъ.

— Зачѣмъ же ты отказываешься? — обратился тутъ къ нему съ укоризной одинъ изъ судей Мервскаго уѣзда, воспитывавшійся, какъ оказалось, въ Бухарѣ и считавшій себя знатокомъ шаріата: — вѣдь ты же приводишь каждый разъ насъ къ присягѣ. Отчего же самъ не хочешь присягнуть?

— Я прожилъ на свѣтѣ 70 лѣтъ, — отвѣтилъ ему Куль-Мурадъ: — и за все это время ни разу не присягалъ. Надѣюсь и умереть, не принявъ ея.

— Но вотъ ты отказываешься присягать, — обратился къ нему знакомый уже читателю аламанчикъ Эвезъ-Кули-Сардаръ: — старшины тоже отказались. Что же, отдать, значитъ, кяризъ яманъ-сальхцамъ? А вѣдь и ты, и я, и онъ, — Сардаръ указалъ тутъ на своего сосѣда, старика Куль-багыря: — всѣ мы знаемъ, что рѣшеніе было, и источникъ принадлежитъ багирицамъ. Но мы съ нимъ не можемъ присягать: мы не были при рѣшеніи. А ты самъ рѣшалъ и долженъ теперь присягнуть.

— Нѣтъ, нѣтъ, — заговорилъ опять упрямый старикъ: — я никогда не присягалъ, такъ и умру безъ присяги.

— Да что же дѣлать тогда? — заговорили кругомъ.

— Нужно рѣшать тогда дѣло безъ присяги,—отвѣтилъ Куль-Мурадъ:—или дать присягу двумъ багирцамъ.

— Нѣтъ, такъ нельзя,—возразилъ ему воспитанникъ Бухары:—шаріатъ не позволяетъ предлагать присягу болѣе двухъ разъ по одному и тому же дѣлу. А мы уже предлагали два раза. Впрочемъ,—добавилъ онъ:—Куль-Мурадъ вашъ казій и домъ здѣсь вашъ. Пусть будетъ такъ, какъ онъ говоритъ. Но только я тогда не подпишу рѣшенія.

Эти переговоры еще болѣе запутали положеніе, и только послѣ долгаго спора рѣшено было возобновить предложеніе двумъ яманъ-салыхцамъ принять присягу на томъ, что въ теченіе 36 лѣтъ земли багирцевъ не были орошаемы источникомъ Кизиль-Чешме, и на этихъ земляхъ багирцы не производили посѣвовъ, и что до занятія края русскими никакого спора о кяризѣ между обоими обществами не возникало, и дѣло это рѣшено присягою багирцевъ.

Не безъ шума и гама было принято тяжущимися и публикой это постановленіе съѣзда. Но все-таки пришлось ему подчиниться, и багирцы выбрали изъ присутствовавшихъ въ залѣ яманъ-салыхцевъ двухъ присяжныхъ. Но только что эти послѣдніе придвинулись къ столу, стремительно вылетѣлъ впередъ тотъ же молодой багирецъ, о которомъ я говорилъ ранѣе, и закричалъ, что эти двое присяжныхъ не годятся, что они не почетные люди; пусть дадутъ ему два дня, и онъ приведетъ двухъ вѣрныхъ и честныхъ людей, которые дадутъ правильную присягу...

Тутъ гвалтъ и шумъ дошли до послѣднихъ предѣловъ. Закричала и заволновалась толпа; закричали стороны, закричали и сами судьи. Яманъ-салыхцы стали отгалкивать назадъ багирца, а этотъ послѣдній отбивался и отгискивалъ ихъ назадъ...

Среди этого гвалта судьи, не уходя въ отдѣльную комнату, стали перекрикиваться между собой, не отложить ли дѣйствительно засѣданія на два дня, и послѣ нѣкотораго спора единогласно постановили отложить.

Однако, къ общему удивленію, сами багирцы запротестовали теперь противъ отсрочки и согласились на присягу двухъ наличныхъ яманъ-салыхцевъ. И тѣ среди тишины, энергично повторяя вслѣдъ за Куль-Мурадъ-казіемъ установленныя слова, приняли требуемую присягу.

— Китабъ-э-шерифы товафъ этъ (обойдите вокругъ, покружитесь около священной книги)!—сказалъ имъ въ заключеніе казій, и оба присягавшіе поочередно тоекратно провели ладонями по раскрытому корану, а затѣмъ «умыли» себѣ ими лицо.

Присяга кончилась, и источникъ, которымъ багирцы владѣли задолго до занятія края, и споръ о которомъ уже былъ давнымъ-давно рѣшенъ въ ихъ пользу, отошелъ къ яманъ-салыхцамъ.

И все это только потому, что старшины и Куль-Мурадъ-казій

отказались подтвердить свои слова подъ присягою, и таковая, по правиламъ шаріата, была предложена ясманъ-сальхцамъ. Эти же послѣдніе были, пожалуй, и правы, утверждая, что ихъ общество ранѣе не спорило о кзрпзѣ съ багирцами, такъ какъ споръ былъ заявленъ однимъ лишь Озбекъ-Кизымомъ...

Форма восторжествовала надъ духомъ, какъ это иногда бываетъ и въ нашихъ гражданскихъ процессахъ, гдѣ судъ связанъ предустановленными формальными доказательствами и рѣшаетъ дѣла не по внутреннему убѣжденію, а по буквѣ формальнаго закона.

Сами члены сѣзда понимали несправедливость своего рѣшенія и, разводя руками, ссылались на необходимость соблюденія установленныхъ практикою правилъ судопроизводства. А Куль-Мурадъ-казій, чувствуя за собой вину (отказъ отъ присяги), объясняетъ, что ему, какъ казію, приводящему всѣхъ къ присягѣ, не годится присягать самому; но если начальникъ области прикажетъ, то онъ присягнетъ, хотя бы кругомъ его костеръ разложили...

Но, къ счастью, оказалось возможнымъ исправить завѣдомую несправедливость этого рѣшенія, и не прибѣгая ни къ какимъ средствамъ давленія.

Начальникъ области, генералъ-лейтенантъ А. Н. Куропаткинъ, по докладу ему обстоятельствъ дѣла, положилъ на рѣшеніи сѣзда слѣдующую революцію:

«Рѣшеніе противно приказу 1892 года № 1 и потому не подлежитъ утвержденію. Утвердить за багирцами».

Согласно же приказу по военно-народному управленію Закаспійской области отъ 1 января 1892 года за № 1, народные суды и администрація края при рѣшеніи спорныхъ вопросовъ о правѣ пользованія водою по давности должны руководствоваться данными о дѣйствительномъ пользованіи ею ко времени штурма Геокъ-Тепе, т. е. къ 12 января 1881 года. А такъ какъ ко времени занятія края багирцы безспорно владѣли источникомъ Такъ-Кала, то онъ и долженъ былъ остаться за ними...

VII.

«Матеріальное уголовное право» туркменъ.

Простота правовыхъ возрѣній и немногочисленность преступленій.— Взглядъ на убійство.— Два примѣра.— Членовредительство и изнасилованіе.— Воровство и причины его распространенія.

По приведеннымъ мною замѣчаніямъ и примѣрамъ читатель составилъ уже себѣ извѣстное представленіе, какъ о «гражданскомъ правѣ» туркменъ, такъ и о «судопроизводствѣ» и «судоустройствѣ» у этихъ новыхъ подданныхъ Бѣлаго Царя. Теперь мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о «матеріальномъ уголовномъ

ихъ правъ» и въ заключеніе иллюстрировать эти общія соображенія интереснымъ процессомъ, прошедшимъ передъ моими глазами.

Жизнь среди вольныхъ степей при отсутствіи даже призрака какой либо власти и съ признаніемъ одного лишь права сильного не могла, конечно, выработать у туркменъ тѣхъ сложныхъ жизненныхъ отношеній, которыми проникнуть нашъ общественный и государственный строй. Не могло и не можетъ быть у нихъ въ силу этого и сложныхъ по своей конструкціи и составу преступленій, въ родѣ подлоговъ, всевозможныхъ государственныхъ и служебныхъ правонарушеній и т. д. Всѣ преступления ихъ сводились— да сводится и теперь—къ нарушенію личныхъ или имущественныхъ интересовъ ближняго, къ посягнуенію на частныя права и блага, къ нарушенію тѣхъ нормъ, которыя съ такою категоричностью выражены въ заповѣдяхъ ветхаго завѣта: «не убій», «не прелюбы сотвори», «не укради».

Всѣ же остальные заповѣди не могли бы, понятно, имѣть прижизненія у туркменъ, ибо, во-первыхъ, они были плохіе магометане и плохо исполняли даже самыя основныя требованія шаріата, а, во-вторыхъ, вся этика ихъ съ полнымъ успѣхомъ укладывалась въ тѣ же три вышеприведенныя нормы—заповѣди...

Такимъ образомъ туркменъ, какъ и всякій членъ полудикаго общества, могъ совершить только такія преступления, какъ убійство, нанесеніе ранъ, изнасилованіе, грабежъ, воровство, присвоеніе чужого имущества... Вотъ въ сущности и все, такъ какъ если въ настоящее время эти сыны природы и подвергаются преслѣдованію и за другія дѣянія, въ родѣ служебныхъ нарушеній, то это уже установленіе новаго чуждаго для нихъ строя, принесеннаго въ край завоевателями, и за эти дѣянія они судятся не у себя, а въ общихъ судахъ имперіи.

Какъ же смотритъ туркменскій адатъ (обычай) на перечисленныя ранѣе преступления противъ личности другого челоуѣка и противъ его имущества, и какъ наказываетъ ихъ народный судъ?

Во времена независимой Туркменіи у сыновъ ея,—какъ и во всякомъ первобытномъ обществѣ,—твердо держался взглядъ на преступленіе, какъ на обиду частнаго лица, которое могло на это нарушеніе его правъ отвѣтить подобнымъ же нарушеніемъ, по правилу: «око за око, зубъ за зубъ». Въ силу этого убійство вызывало кровомщеніе, похищеніе чужого имущества могло влечь за собой такое же похищеніе...

Но должно замѣтить, что этотъ принципъ мести въ послѣднее время передъ завоеваніемъ примѣнялся у туркменъ сравнительно рѣдко, и обыкновенно нарушитель чужого права долженъ былъ выплатить извѣртный хунтъ деньгами или скотомъ.

По важнѣйшему изъ преступленій—убійству, хунтъ (древне-русскую виру) получали ближайшіе родственники убитаго, имѣвшіе,

по адату и шаріату, и ближайшее право на мечь ¹⁾). Выплачивалъ его или самъ убійца или его родственники, которымъ онъ затѣмъ обязанъ былъ хотя бы постепенно вернуть этотъ «долгъ чести». Уплата производилась или деньгами, или скотомъ, или самымъ ходкимъ и цѣннымъ товаромъ—женщинами. Размѣръ хуна зависѣлъ отъ разныхъ причинъ и условій, при чемъ за убійство женщины онъ опредѣлялся вдвое менѣе, чѣмъ за мужчину; если же женщина была убита своимъ ближайшимъ родственникомъ, которому она «принадлежала», то это въ счетъ не шло и за убійство не считалось.

Въ настоящее время положеніе о хунѣ практикуется попрежнему, но сверхъ выкупа за кровь народныя суды, подъ воздѣйствіемъ мѣстной администраціи, приговариваютъ убійца еще и къ аресту на болѣе или менѣе продолжительное время или къ ссылкѣ на тотъ или другой срокъ въ Красноводскій или Мангишлакскій уѣзды.

Для иллюстраціи этихъ общихъ замѣчаній приведу два примѣра, характеризующіе взгляды туркменъ на убійство.

Въ ночь на 10 сентября 1896 года въ аулѣ Геокъ-Тепе Копекъ Аскеровъ убилъ своего брата Акбая за то, что тотъ часто упрекалъ его за лѣнь и разъ даже побилъ, пригрозивъ сверхъ того убійствомъ, если онъ не исправится. Перепуганный такою угрозой Копекъ рѣшилъ предупредить Акбая и въ указанную ночь взялъ пашку и ею нанесъ ударъ по головѣ спавшему брату. Тотъ вскопчилъ на колѣни, вскрикнулъ «ахъ!» и упалъ мертвымъ. Убійца же сѣлъ тутъ же у труна и просидѣлъ такъ до утра, когда его засталъ сосѣдь Маметъ Бахши-Куліевъ.

За это убійство оба суда, т. е. Асхабадскій народный и чрезвычайный сѣзды, опредѣлили: обязать Копека и младшаго его брата Эвеза (къ дѣлу совершенно не причастнаго) содержать пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей Акбая, а когда Эвезъ достигнетъ 17 лѣтняго возраста и будетъ въ состояніи одинъ прокормить дѣтей Акбая, то выслать Копека въ Мангишлакъ на 6 мѣсяцевъ. Сверхъ того, Копекъ долженъ уплатить сыновьямъ убитаго, когда они достигнутъ совершеннолѣтія, 100 тумановъ, а если сыновья не будутъ согласны на это, то предоставитъ имъ самимъ возбудить жалобу за убійство отца.

Въ томъ же году въ январѣ, въ далекихъ пескахъ, у колодець Четъ-Кель, Курбанъ-Дурды-Анна-Мурадовъ пасъ стада барановъ; вмѣстѣ съ нимъ былъ пастухъ Юзбашевъ. Въ недалекомъ

¹⁾ По шаріату для полученія права на мечь нужно было благословеніе муфтія—высшаго духовнаго лица; но туркменскому же адату такого благословенія уже не требовалось, и хундары (родственники убитаго) считали себя въ правѣ мстить, не испрашивая ничего разрѣшенія,—тѣмъ болѣе, что и муфтія у нихъ не было, и къ нему нужно было бы ѣхать въ Бухару или Хиву...

же разстояніи отъ нихъ пасли своихъ барановъ Курбанъ-Гельды-Ходжа-Курбановъ, Оразъ-Дурды-Курбанъ-Назаровъ и Софи-Курбанъ-Назаровъ. Оразъ-Дурды пришелъ къ Юзбашеву и попросилъ огниво. Юзбашевъ отозвался, что оно ему самому нужно. Тогда Оразъ-Дурды рѣшилъ отнять огниво силою. На шумъ прибѣжалъ Курбанъ-Дурды, и между ними тронми завязалась драка. Оразъ-Дурды передалъ объ этомъ своимъ братьямъ, и на слѣдующую ночь онъ и братъ его, желая отомстить Курбану-Дурды и Юзбашеву, подкрались къ нимъ во время сна, зарѣзали ихъ и сожгли на кострѣ, въ который бросили все ихъ имущество и верблюжки сѣдла. Были найдены только обуглившіяся кости и заржавленный ножъ; все остальное обратилось въ пепель. Стадо барановъ въ 850 штукъ разбѣжалось по степи.

Хотя обвиняемые, привлеченные къ суду родственниками убитаго Курбана-Дурды, и не признали себя виновными, асхабадскій народный судъ приговорилъ Ораза-Дурды къ ссылке въ Сибирь на 8 лѣтъ и къ уплатѣ хуна родственникамъ обоихъ убитыхъ по 150 тумановъ за cadaго.

Чрезвычайный сѣздъ привлекъ къ отвѣту и Курбана-Дурды-Назарова. Но такъ какъ свидѣтелей убійства не было, то сѣздъ, по обычаю, предложилъ родственникамъ убитыхъ представить четырехъ свидѣтелей, могущихъ принять присягу «въ убѣжденіи», что убійство совершено братьями Назаровыми. Когда же такая присяга была принята, то сѣздъ постановилъ: взыскать съ Оразъ-Дурды и Курбанъ-Дурды-Курбанъ-Назаровыхъ въ пользу родственниковъ убитыхъ по 150 ахальскихъ тумановъ за cadaго убитаго и, кромѣ того, въ виду выдающейся жестокости преступленія, ходатайствовать передъ начальникомъ области «о высылкѣ» обоихъ виновныхъ въ Мангишлакъ на 5 лѣтъ, изъ конхъ два года они должны содержаться подъ арестомъ въ Мангишлакскомъ арестномъ домѣ ¹⁾.

Переходя засимъ отъ убійства къ другимъ преступленіямъ, скажу, что какъ за членовредительство, такъ и за изнасилованіе въ настоящее время вчиняются обыкновенно иски о вознагражденіи за лѣченіе и безчестіе. Но во второмъ случаѣ женщина можетъ безнаказанно убить покушающагося на ея честь (хотя это случается рѣдко). Точно также мужъ, застигнувшій жену съ любовникомъ на мѣстѣ преступленія (увы! и въ пустыняхъ Туркменіи это не рѣдкость!), можетъ убить ихъ обонхъ, и убійство это встрѣтитъ только всеобщее одобреніе въ народѣ.

Но что разработано въ туркменскомъ матеріальномъ правѣ наиболѣе подробно, это—постановленія о тайномъ похищеніи чужого

¹⁾ Оба эти примѣра взяты изъ непоступавшаго въ продажу «Сборника процессовъ чрезвычайнаго сѣзда народныхъ судей Закаспійской области 1894—1898 гг.», составленнаго К. Д. Повалишинымъ.

имущества, то-есть о кражѣ (огурлукъ). Я говорю лишь о тайномъ похищеніи, потому что похищеніе явное (разбой и грабежъ) практикуется среди туркменъ вообще очень рѣдко, и главнѣйшій видъ этого преступленія—аламаны, то-есть разбойническія нападенія на сосѣднія племена цѣлыми организованными партіями—отжилъ свой вѣкъ и похороненъ навсегда съ занятіемъ края русскими. Впослѣдствіи я остановлюсь на этомъ любопытномъ явленіи, а теперь скажу въ заключеніе настоящей главы нѣсколько словъ о возрѣніяхъ туркменъ на кражу.

Если воровство было распространено и раньше, да распространено въ еще большей степени и теперь среди интересующей насъ народности, то причиной этому не нравственная испорченность этихъ дѣтей природы во вкусѣ Жанъ-Жака Руссо ¹⁾, а нѣкоторыя условія ихъ жизни и быта и прежде всего извѣстный уже читателю обычай покупки женъ. Въ жизненныхъ своихъ потребностяхъ туркменъ настолько неприсотливъ, что, имѣя кусокъ хлѣба, онъ никогда не станетъ жаловаться на нужду. Но желаніе приобрести жену—желаніе, конечно, вполне законное—заставляетъ его зачастую, вопреки своимъ убѣжденіямъ, покушаться на чужую собственность.

Какъ на другую причину распространенія воровства указываютъ на развивающуюся привычку къ куренію опиума. Администрация области ведетъ дѣятельную борьбу съ этимъ ужаснымъ зломъ, но встрѣчаетъ себѣ серьезный отпоръ въ засасывающей силѣ этой страсти, всецѣло подчиняющей себѣ человѣка и лишаящей его всякаго проблеска воли.

Бывшій начальникъ Закаспійской области, генералъ-лейтенантъ А. Н. Куропаткинъ, исходатайствовалъ совершенное запрещеніе ввоза въ край опиума, о чемъ и объявилъ по области въ приказѣ отъ 17 іюля 1891 года, предписавъ администраціи вести борьбу съ этимъ зломъ не только путемъ наказаній и репрессій, но главнымъ образомъ путемъ нравственнаго воздѣйствія на населеніе. вмѣстѣ съ тѣмъ приглашены къ принятію участія въ этой борьбѣ и сами туземцы...

Но страсть слишкомъ сильна, и никакія репрессіи не удерживаютъ торговцевъ отъ провоза запретнаго снадобья, цѣна котораго поднимается вмѣстѣ съ усиленіемъ гоненія. Въ настоящее время опиумъ продается уже буквально на вѣсъ серебра: на одну чашку вѣсовъ кладется снадобье, а на другую такое же количество по вѣсу персидскихъ серебряныхъ крановъ... А такъ какъ опиѣфаги

¹⁾ Въ этомъ отношеніи туркмены стоятъ очень высоко даже и теперь, несмотря на дурное вліяніе налетѣвшихъ на область отбросовъ разныхъ національностей—русской, армянской, персидской и другихъ. И тщетно ведетъ администрація борьбу съ этимъ ужаснымъ, но, увы! обычнымъ явленіемъ наплыва дурныхъ элементовъ.

къ труду неспособны, то кража служить для нихъ единственнымъ выходомъ изъ подобной коллизіи...

«Туркменъ, — говоритъ г. Ломакинъ, разбирая положенія о кражѣ:—не различаетъ кражи простой отъ кражи со взломомъ. Цѣнность уворованнаго имущества также не имѣетъ никакого значенія при опредѣленіи наказанія за кражу... Туркменъ, у котораго совершена покража, прежде всего заботится, тѣмъ или инымъ путемъ, получить уворованное у него имущество или стоимость его, а потому, отыскивая украденное, онъ не останавливается ни передъ чѣмъ: допытывая подозрѣваемаго, изобрѣтаетъ всевозможныя мученія, пока онъ или не сознается въ кражѣ, или не обяжется отыскать вора; но разъ потерпѣвшій считаетъ себя матеріально удовлетвореннымъ, вопросъ о наказаніи за воровство у него становится на второмъ планѣ. Не было примѣра, чтобы воръ, добровольно возвратившій украденную вещь, привлекался къ отвѣтственности».

Далѣе г. Ломакинъ разбираетъ подробно, какъ поступаютъ туркмены и ихъ суды при разныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ учиненія кражъ. Но для насъ было бы, конечно, утомительно итти за нимъ чрезъ всѣ эти подробности, и я ограничусь краткимъ указаніемъ, что, за неимѣніемъ слѣдственной власти, потерпѣвшій отъ кражи всегда самъ принимаетъ всѣ мѣры къ обнаруженію вора и возвращенію похищеннаго, а суды вѣдаются лишь съ тѣмъ матеріаломъ, который имъ даютъ стороны, примѣняя и всѣ тѣ способы доказательства, которые уже извѣстны читателю изъ предшествующаго текста статьи,—до очистительной присяги включительно.

Но, тѣмъ не менѣе, я считаю возможнымъ остановиться на интересной профессіи, возникшей у туркменъ въ виду распространенности кражъ и съ цѣлью помочь, за извѣстное вознагражденіе, потерпѣвшему вернуть свое имущество.

Такъ какъ объектомъ кражъ бываетъ попреимуществу скотъ, крупный и мелкій, то среди этихъ помощниковъ въ розыскахъ особенно много такъ называемыхъ «изчи» — слѣдопытовъ (отъ слова изъ—слѣдъ).

«Приходится поражаться, — говоритъ г. Ломакинъ:—съ какимъ умѣніемъ, съ какою ловкостью идетъ изчи по слѣдамъ скота, убѣжавшаго или угнаннаго за нѣсколько даже дней. Искусство это достигается, конечно, многолѣтнею практикою и даетъ туркменамъ, усвоившимъ его, значительный заработокъ.

«Когда же изчи по слѣдамъ придетъ къ какому нибудь аулу, на этомъ обязанность его по розыску заканчивается. Дальнѣйшіе розыски продолжаютъ хозяева тѣхъ кибитокъ, около которыхъ оканчиваются слѣды, такъ какъ иначе они должны уплатить стоимость пропавшаго имущества, а въ случаѣ ихъ несогласія платятъ жители всего аула, которые уже затѣмъ сами разыскиваютъ вора».

Но, кромѣ «слѣдопытовъ», есть еще другая разновидность этихъ

помощниковъ по розысканію украденнаго—такъ называемые сіюнджилаки.

Это уже не профессиональные сыщики, а случайные, имѣющіе возможность, благодаря какой либо счастливой случайности, указать хозяину мѣстонахождение пропавшаго имущества. За эту «радостную вѣсть» они получаютъ отъ хозяина сіюнджи—подарокъ за доставленіе радостной вѣсти, но обязаны вернуть его въ случаѣ безуспѣшности розысковъ.

Этими замѣчаніями я и закончу настоящую главу «о матеріальномъ уголовномъ правѣ» туркменъ и перейду къ обѣщанному при-мѣру, которымъ закончу и самую статью.

VIII.

Убійство съ романическою подкладкой.

Въ послѣдній день засѣданія передъ сѣздомъ прошло нѣсколько дѣлъ объ убійствахъ, и въ одномъ изъ нихъ убійство было совершено оскорбленнымъ мужемъ, застигнутымъ женою на мѣстѣ преступленія и отправившимъ ее въ лучшій міръ вмѣстѣ съ ея возлюбленнымъ.

Изъ доклада помощника предсѣдателя оказалось, что жалоба была принесена родственниками убитаго сарыка ¹⁾ Пендинскаго приставства ²⁾, Тонатара Арнаева, доказывавшими, что убійца Карли-Ильясъ-Куліевъ убилъ покойнаго не въ кибиткѣ, а въ полѣ, и не одинъ, а съ братьями, и что онъ потомъ уже, вмѣстѣ съ этими послѣдними, принесъ трупъ его въ кибитку и положилъ на кровать жены. Судъ, разсматривавшій это дѣло, оправдалъ Куліева, но родственники убитаго перенесли дѣло въ сѣздъ.

Поддерживая эту жалобу передъ сѣздомъ, они доказывали, что, судя по слѣдамъ и крови, начинавшимся шагахъ въ 250 отъ кибитки Карли-Ильяса и ведшимъ до самой кибитки, убійство, несомнѣнно, совершено было въ полѣ, и, слѣдовательно, адагъ былъ нарушенъ, и убійца долженъ уплатить хунъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, неправда,—возразилъ имъ убійца Карли-Ильясъ,—я убилъ Тонатара, заставъ его съ моею женою. Онъ давно уже жилъ

¹⁾ Туркмены дѣлятся на нѣсколько племенъ. Изъ нихъ самое многочисленное—теке (мервскіе и ахальскіе текинцы); затѣмъ идутъ іомуды, сарыки, салоры, джафарбай и т. д.

²⁾ Мервскаго уѣзда; граничитъ съ Афганистаномъ. Въ немъ находится Кушкинскій постъ и происходило сраженіе на Кушкѣ.

съ нею, и весь аулъ зналъ объ этомъ. Я много разъ предупреждалъ его и грозилъ, что убью, если застану съ женой. А онъ еще даже хвалился, что не боится меня. Я все никакъ не могъ застать ихъ вмѣстѣ. Но вотъ въ ту ночь, рѣшивъ обмануть ихъ, я сказалъ женѣ, что пойду въ поле, и пошелъ, но потомъ, когда стемнѣло, вернулся и засѣлъ около кибитки. Ждалъ долго. Жена уже улеглась и заснула. Когда уже луна взошла, подошелъ вдругъ Тонатаръ, перепрыгнулъ черезъ арыкъ и вошелъ въ кибитку. Потомъ слышно было, какъ онъ подошелъ къ женѣ, разбудилъ ее и выругалъ за то, что она заснула. Она просила простить ее, говоря, что сама не замѣтила, какъ заснула! Дальше былъ еще шорохъ и разговоръ... И вотъ, когда Тонатаръ уже улегся съ женою, я тихо вошелъ въ кибитку и палкой съ чугуномъ на концѣ, бывшей у меня въ рукахъ, сталъ бить ихъ по головамъ... Они ничего не говорили, а только хрипѣли. Потомъ я взялъ ножъ и перерѣзалъ женѣ горло, а Тонатара ударилъ по головѣ. Потомъ я пошелъ къ сосѣдямъ и къ хану, которымъ и заявилъ все, какъ было. Ханъ оставилъ меня у себя и послалъ за старшиной... Я два года терпѣлъ, все никакъ застать ихъ не могъ. А теперь убилъ, какъ слѣдуетъ по адату. Пусть и меня убьютъ, если это слѣдуетъ...

Спрошенные, вслѣдъ за убійцей, братья, родственники и сосѣди объяснили во всемъ согласно съ показаніемъ самого Карли-Ильаса, заявивъ, однако, что сами лично ничего не знаютъ, а слышали обо всемъ отъ самого убійцы. А что Тонатаръ жилъ съ женою Ильаса, и что трупы ихъ лежали на утро вмѣстѣ одинъ на другомъ, то это правда.

Сѣздъ, за отсутствіемъ свидѣтелей, очевидцевъ преступленія, порѣшилъ дать присягу четыремъ свидѣтелямъ, по выбору истцовъ, въ томъ, что, по ихъ убѣжденію, Карли убилъ Тонатара и свою жену въ кибиткѣ, и что никто ему въ убійствѣ этомъ не помогалъ.

Избранные свидѣтели приняли присягу, и такимъ образомъ, какъ самъ Карли, такъ и его братья «очистились» отъ возникшаго на нихъ обвиненія.

Не повторяю извѣстныхъ уже читателю подробностей процесса, но не могу удержаться, чтобы не отмѣтить тѣ мотивы, которые и низшій судъ, и сѣздъ положили въ основу своего оправдательнаго приговора.

Обѣ инстанціи высказали, что, по адату, если мужъ застанетъ жену и любовника во время полового акта, или «обнявшись», или «спящими», то «обязанъ» убить ихъ, и такое убійство ставится ему «въ заслугу», и онъ не можетъ за него подвергнуться наказанію и не долженъ платить хунъ за кровь. При убійствѣ «могутъ участвовать», «помогать» мужу его родственники и даже посторонніе, при чемъ и они не могутъ быть наказаны. Убійство жены и любовника

можетъ быть совершено и не на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ засталъ мужъ, при бѣгствѣ одного изъ нихъ мужъ можетъ догнать и убить.

Рѣшеніе это было утверждено начальникомъ области, но убійцу Карли, приказано было все-таки выдержать 6 мѣсяцевъ подѣ арестомъ и выслать на 2 года въ Мангишлакъ...

Таковы-то въ общихъ чертахъ матеріальное и формальное право нашихъ новыхъ компатріотовъ-туркменъ.

А. П. Андреевъ.

